

Слов нет, А. П. Каждан, безусловно, прав, когда считает, что система прав на чужую землю коренится в конечном счете (разрядка моя. — М. Ф.) в рутинности сельскохозяйственной техники⁹. Но вопрос заключается в том, не вела ли застойность земледельческой техники, когда малая семья оказывалась не в состоянии справиться с землей, вначале к консервации большесемейных связей и лишь в последствии к возникновению прав на чужую землю. Иными словами, не была ли роль родственных связей в византийской деревне гораздо большей, чем это принято считать ныне, не определяли ли эти связи всю остальную специфику этой деревни (общины), в том числе и ее устойчивость? Так, мне кажется, необходимо поставить эту проблему.

Как было отмечено выше, исследователи ставят прочность византийской общины в непосредственную связь со славянским влиянием¹⁰. Эта связь византийской общинной организации со славянским миром подсказывает то направление, в котором следует искать ответа на поставленные вопросы. Дело в том, что скудость источников по истории поземельных отношений в раннее средневековье неизбежно заставляет обратиться к сравнительному изучению Византии и соседних славянских обществ. При этом возникает необходимость не только привлекать византийские источники для реконструкции южнославянской истории, как это делается сейчас, но и, наоборот, воссоздавать общественные отношения в империи по аналогии со славянскими порядками. Такой сравнительный анализ по отношению к общине ныне стал просто неизбежен. Применительно к Болгарии он уже начат¹¹, сербские же памятники раннего средневековья создавались под сильным византийским влиянием¹² и поэтому представляют меньший интерес. Наибольшей ценностью здесь обладает материал по истории Хорватии.

Югославские медиэвисты в последнее время пристально изучали развитие южнославянской общины. Об этом свидетельствует ряд их работ, специально посвященных общинным институтам в хорватской деревне. Такова работа профессора Загребского университета Олега Мандича о так называемом «братстве» в Хорватии раннего средневековья¹³, книга покойного Михи Барады «Древнехорватская сельская община»¹⁴ и статьи белградского исследователя Ивана Божича о верви в Полице и общине в области Паштровичах¹⁵. Для византинистов эти работы представляют особый интерес, во-первых, потому, что они заполняют пробел в наших представлениях о славянской общине на Балканах именно в раннее средневековье, т. е. в тот период, который привлекал наибольшее внимание византинистов, изучающих общину; во-вторых, эти исследования относятся не ко всей Хорватии, которая в общем далека от границ империи, а к ее приморской части, к так называемой Далматинской Хорватии, т. е. к тому району, который до XI в. входил в состав Византии. Таким образом, история поземельных отношений в Далмации в X—XI вв. — это в конечном счете история одной из византийских областей. Исходя из всех этих соображений и стремясь найти ответ на вопросы, касающиеся славяно-византийской общины, мы решили обратиться к критическому разбору тех работ югославских историков, о которых только что шла речь.

О. Мандич начинает свою работу о братстве с указания на трудности, ожидающие исследователя, изучающего общинные отношения у южных славян в раннее средневековье. Историк встретится здесь с латинской терминологией, искажающей суть общественных явлений, он должен будет преодолеть влияние буржуазной идеологии, находящей свое отражение в так называемой «племенной теории» (стр. 226—229). Буржуазные ученые, как известно, подводили под понятие «племенные отношения» все многообразие родовых, семейных и общинных связей. Однако даже они не могли не заметить существования еще одного круга родственников, более широкого, чем задруга, но менее широкого, чем племя. Это — братство. Ни в одном прежнем исследовании нельзя найти сколько-нибудь удовлетворительного и полного решения вопроса о братстве. Оно определялось сбивчиво и путано, — то как род (Т. Смичиклас, В. Мажуранич), то как совокупность задруг (Ф. Шипич), а чаще всего оставалось вообще без характеристики (стр. 231—248). Анализ института братства связан прежде всего с пересмотром вопроса о задруге.

⁹ А. П. Каждан. К вопросу об особенностях. . . , стр. 53.

¹⁰ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 135—143.

¹¹ Показателен самый факт появления книги Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в XI—XII вв.». М., 1960.

¹² О воздействии византийского права на первые законодательные памятники у сербов см. Б. Сп. Радочич и Ђ. Српски законик из првих година после Велике сеобе. «Летопис српске матице», јул, 1959. Нови Сад, кн. 384, св. 1, стр. 59—64.

¹³ О. Мандич. Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. HZ, god. V, 1952, str. 225—298.

¹⁴ М. Вагда. Starohrvatska seoska zajednica. Zagreb, 1957.

¹⁵ И. Божич. «Врвь» у Пољичком статуту. «Зборник филозофског факултета», књ. IV, № 1. Београд, 1957. стр. 89—112; его же. Средњовековни Паштровићи. «Историски часопис», год. IX—X. Београд, 1960, стр. 159—185.